

Церковное красноречие и его основные законы.

(Продолжение¹).

II.

Проповѣдь, какъ исполненіе церковно-религіознаго служенія.

Проповѣдь, рассматриваемая съ религіозной точки зрения, есть раскрытие слова Божія или сообщеніе ученія о нащемъ спасеніи, содержащагося въ Откровеніи и хранимаго въ церкви, въ видахъ споспѣществованія устройственію нашей духовно-праѣственной жизни, сообразно тѣмъ завѣтамъ, какіе даны Господомъ для людей, желавшихъ вступить въ царство Божіе. Она есть продолженіе того благовѣстія, когорое во время земной жизни своей Господь Іисусъ Христосъ сообщалъ людямъ, ждавшимъ избавленія, приглашая ихъ вступить на путь спасенія и указывая условія и средства къ тому. Она должна действовать на просвѣщеніе ума, разъясняюща божественную истину и возбуждая и укрѣпляя вѣру въ нее, и вмѣсть съ тѣмъ разгоняя мракъ заблужденій. Она должна действовать и на волю, указывая ей образецъ праѣственного совершенства и богоугодной жизни, и возбуждая ее къ возможному достижению нравственного совершенства,

¹) См. Труды Киевск. дух. Академии. октябрь 1900 г.

Труды Киевск. дух. Акад. Т. III. 1901 г.

и вмѣсть съ тѣмъ предохраняя ее отъ тѣхъ преткновеній на пути къ этому совершенству, какія угрожаютъ намъ въ мірѣ, полномъ соблазновъ и страстей. Всего человѣка, надѣшаго и долу преклоннаго, она должна возвставлять и возрождать и претворять въ новаго человѣка по духу Христову, созидая въ немъ сердце чистое и обрацая его къ Богу, источнику высшаго небеснаго блага.

Въ экономіи церковной жизни или въ Божіемъ домостроительствѣ налаго спасенія проповѣдь имѣеть чрезвычайно важное значеніе. Она служить однимъ изъ главныхъ средствъ къ распространению и утвержденію царства Божія на земль. Господъ Иисусъ Христосъ не пользовался никакими вѣшними средствами для основанія и укрѣпленія этого царства. Онъ ходилъ и училъ народы, съ которыми приходилъ въ соприкосновеніе, изливалъ изъ своей божественной души чистое и святое дѣйственное слово, указывающее путь спасенія. И это святое слово было основаніемъ, на которомъ созидалось зданіе церкви спасающей, было съменемъ, возросшимъ въ великое древо, отростки которого покрываютъ всю землю. Благовѣстіе, данное и сообщаемое Господомъ во времена Его земной жизни, было источникомъ началомъ проповѣди и заключало въ себѣ тотъ материалъ, который позднѣйшее время должно было раскрывать, примѣня его къ потребностямъ живущихъ поколѣній. Название, съ какимъ обращались къ Нему во времена Его чрезвычайного служенія роду человѣческому, было: *раввуні* или *равви*, что значитъ учитель (Іоан. XX, 16. IX, 2), чѣмъ означалось преимущественное значеніе учительства въ Его дѣятельности. Своимъ ученикамъ или апостоламъ не давалъ Онъ никакого другого порученія, кроме того, чтобы они проповѣдывали Евангеліе всей твари. Явившись имъ по воскресенію, Онъ далъ имъ такой послѣдній торжественный завѣтъ: *иедише въ лірѣ весь, проповѣдинне Евангеліе всей твари* (Марк. XVI, 15); *иедише научите вся зыки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына*.

и Святаго Духа, учаще ихъ блысти вся, елика заповѣдахъ вами (Матѳ. XXVIII, 19—20). Апостолы, вѣриые заѣтту своего Господа и Учителя, въ служеніи слова или проповѣди Евангелія видѣли и полагали главное свое призвание и дѣло, и находили неудобнымъ для себя оставлять это дѣло, на нихъ возложенное, для другихъ занятій (Дѣян. VI, 24). Апостолы поручали это дѣло своимъ преемникамъ, избираемыхъ ими на служеніе спасенію людей. И съ первыхъ вѣковъ христіанства раздается предъ слухомъ людей глаголь Божій, разъясняющій нашему духу высокія истины вѣры и законъ нашей жизни. Церковь христіанская начала рости съ тѣхъ поръ, какъ народъ услышалъ въ день пятидесятицы дивная рѣчи апостоловъ (Дѣян. II, 6—41). Слышимая пынъ въ церкви проповѣдь есть не что иное, какъ продолженіе того свидѣтельства о Христѣ и совершающимъ имъ дѣль нашего спасенія, которое, по порученію Господа, первоначально возвѣщали самовидцы и слуги Слова (Лук. I, 2).

Знаменательно, что повелѣніе Господа апостоламъ идти и проповѣдывать Евангеліе всѣмъ языкамъ обставлено словами: *да деся Ми всяка власть на небеси и на земли... и се, Азъ съ тими есъ во вся дни до скончанія вѣка* (Матѳ. XXVIII, 18. 20). Первые слова соединяютъ проповѣдное слово во имя Христово сть высшую властію, какая принадлежитъ Основателю святой церкви, и какою можно располагать къ міру свободы. Эта власть—власть надъ умами и душами людей, заставляющая ихъ слѣдоватъ туда, куда влечетъ ихъ проповѣдникъ. Проповѣдающимъ во имя Божіе Господь обѣщаетъ уста и премудрость, которая будетъ склонять на путь спасенія и побѣждать всѣхъ, противляющихся имъ (Лук. XXI, 15). А послѣдующія слова обнадеживаютъ ихъ постоянную помощью свыше. Господь обѣщаетъ апостоламъ, а въ лицѣ ихъ и всѣмъ служителямъ проповѣдного слова, быть съ ними до скончанія вѣка. Они являются такимъ образомъ, по слову Господа, непосредственными продолжате-

лями Его учительского служенія, и Онъ непрестанно, хотя и невидимо, будеть при нихъ, вдохновляя ихъ и управляя ихъ мыслю, и все, слышаще проповѣдь во имя Христово, должны видѣть не частное ученіе того или другого проповѣдника, а слово, запечатленное высочайшимъ божественнымъ авторитетомъ. *Слушаю васъ* (говорить Господь, посылая седмидесятъ учениковъ на проповѣдь) *Мене слушаетъ, и отмечается васъ Мене отмечается* (Лук. X, 16). Слѣдуя этому указанію, мы должны видѣть въ церковной проповѣди прямой отголосокъ живого и дѣйственнаго слова самого Господа. Христіанская проповѣдь, имѣя свой корень въ благовѣстіи Господа, въ теченіе вѣковъ служить въ церкви великою силою, оживляющею, направляющею и поддерживающею духовно-нравственную жизнь христіанъ.

Условіемъ спасенія нашего служитъ вѣра. *Иже вѣру иметъ и крестится* (говорить Господь, посылая апостоловъ на проповѣдь) *спасеніе будетъ: а иже не иметъ вѣры, осужденіе будетъ* (Марк. XVI, 16). Но вѣра насаждается и укрепляется въ сердцахъ людей словомъ проповѣди. *Благовѣстование Христово сила Божія есть во спасеніе всякому вѣрующему* (Римл. I, 17). *Вѣра отъ слуха* (говорить апостолъ), *слухъ же глаголомъ Божіимъ* (Рим. X, 17). А глаголъ Божій есть имѣнио проповѣдъ апостоловъ и премествовавшихъ имъ служителей церкви, которая, достигая слуха, насаждаетъ и возгрѣваетъ вѣру въ душахъ людей, ведеть или влечеть ихъ ко спасенію. Безъ проповѣди не можетъ быть этого *насажденія и возгрѣванія вѣры*. *Како увѣрюютъ* (говорить апостолъ), *егоже не услышаша?* *Како же услышатъ безъ проповѣдающаго* (Рим. X, 14)? Глаголомъ Божіимъ, проносимымъ и возглашаемымъ проповѣдниками, мы духовно рождаемся для жизни вѣры, и этимъ глаголомъ постоянно должны питать и поддерживать себя, доколѣ достигнемъ въ мѣру возраста исполненія Христова, для чего Господь далъ апостоловъ, пророковъ, благовѣстни-

ковъ, пастырей и учителей: все они служили и служатъ *къ совершенню святыхъ, въ содѣданіе титла Христова* (Еф. IV¹, 11—13).

Какъ скоро на дѣло проповѣди мы смотримъ, какъ на высокое служеніе, способствующее спасенію людей, то естественнымъ образомъ возникаетъ вопросъ о лицахъ, существующихъ выполнять это служеніе,—о тѣхъ требованіяхъ, какія можно предъявлять имъ, или о тѣхъ условіяхъ, при которыхъ съ надеждой достоинствомъ и успехомъ можетъ быть совершаемо служеніе церковнаго слова.

Само собою понятно, что такое высокое служеніе, какъ проповѣди, должно быть поручаемо избраннымъ лицамъ. Первоначально Господь на это дѣло изъ среды народа призвалъ двѣнадцать, а потомъ семьдесятъ учениковъ, которыхъ въ теченіе трехъ лѣтъ приготавлялъ къ совершенню его своимъ наставительными бесѣдами о царствіи Божіемъ и о соблюденіи людьми всего, необходимаго для ихъ спасенія. Онъ имъ, этимъ избраннымъ ученикамъ своимъ, поручилъ, по воскресенію своемъ, дѣло проповѣди евангельской, и въ своей первосвященнической молитвѣ ихъ послѣство на проповѣдь приводить въ непосредственную связь съ своимъ посланничествомъ отъ Отца для спасенія людей. *Яко же Мене послалъ еси въ миръ, и Азъ послахъ ихъ въ миръ* (Ioан. XVII, 18) Апостолы, сами избранные и посланные Господомъ на дѣло благовѣстія Христова, съ своей стороны, указывали, что на дѣло служенія церковнаго слова должны быть отдѣляемы отъ среды людей мужи свидѣтельствованные, и для своего служенія должны быть снабжаемы особыми полномочіями. *Како проповѣдять* (говорить апостолъ), *аще не посланы будутъ* (Римл. X, 15)? Этимъ изреченіемъ апостола предполагается, что изъ среды вѣрующихъ должны избираться особые люди, которымъ, по призначению ихъ дарованій, дается полномочіе проповѣдывать Евангеліе, и на которыхъ вмѣсть съ тѣмъ

воздаётся обязанность нести это трудное служение. Но заповѣди апостола, къ этому служению могутъ и должны быть призываюмы мужи, держащіеся *вѣрного словеса по учению, сильные и умныи во здравѣмъ ученіи и противящія обличати* (Тит. I, 9). Вносятъсѧ въ это дѣло возложеніо на предстоятелей церкви,—епископовъ и пресвитеровъ (апост. прац. 58. VI всел. собор. пр. 19). Но въ течеліе многовѣковой церковной жизни эти правила не стѣсняли представителей власти церковной давать позволеніе на проповѣдь и извѣстнымъ имъ способнымъ людямъ, не состоящимъ въ числѣ представителей церковныхъ,—именно дидаскаламъ или учителямъ школъ, устроенныхъ церковю; эти дидаскалы, по самому званію своему, причислялись къ клиру церковному, и многіе изъ нихъ, послѣ служенія въ школѣ, призывались къ высшему служению церковному. Мы, впрочемъ, при изложении ученія о проповѣди въ гомилетикѣ, не считаемъ нужнымъ канонически решать вопросъ о томъ, кто обязанъ и кто можетъ проповѣдывать слово или ученіе Христово въ церкви.

Нашъ прямой вопросъ въ томъ, что требуется отъ человѣка, выступающаго на дѣло проповѣди церковной, для успешнаго выполненія этого дѣла,—чѣмъ онъ долженъ обладать, и что долженъ выполнять, какъ вѣрный служитель Божій и избраникъ церкви на высокое дѣло благовѣстія Христова.

Проповѣдникъ первѣе всего является учителемъ. Такъ смотрѣли на проповѣдника въ древнее время, и отъ него ждали и требовали разъясненія вѣры и раскрытия тайнъ домостроительства нашего спасенія. Каоедра епископа въ древности часто называлась *θρόνος διδασκαλικός*. Такъ смотрѣть на него и нынѣ. И если въ Господѣ, возвѣщающемъ евангельское слово о спасеніи, видѣли и чтили великаго Учителя, то и въ посланныхъ отъ Него на продолженіе Его благовѣстія, должно видѣть учителей народа какъ вѣрующаго,

гакъ и мало вѣрюющаго и заблуждающагося. А отъ учителя требуется первѣе всего знаніе,—отчетливое знаніе того, чему онъ долженъ учить и что долженъ разъяснить, чтобы быть *дѣлателемъ непостыдныимъ, право правящимъ слово истины* (2 Тим. II, 15). Было бы великимъ дерзновеніемъ и неразуміемъ выступать на кафедру учителя-проповѣдника, не зашасшись панередъ для того необходимыми знаніями. „Что касается до раздаянія слова (составляющаго первую обязанность пастырей церкви), говори¹⁾ св. Григорій Богословъ,— слова божественнаго и высокаго,—то ежели кто другой приступаешь къ дѣлу сему съ дерзновеніемъ и почитаетъ оное доступнымъ для всякаго ума, я дивлюсь многоумію (чтобы не сказать: малоумію) такого человѣка. Для меня кажется не простымъ и не малаго духа требующимъ дѣлать каждому *дажти во время житомирье* (Лук. XII, 42) слова, и съ разсужденіемъ вести домостроительство истины пашихъ догматовъ, то есть, нашего любомуудраго ученія о предметахъ вѣры“.

Какое же знаніе требуется отъ человѣка, призываемаго къ исполненію проповѣдническаго служенія и являющагося на церковной кафедрѣ въ званіи церковнаго учителя?

Люди, разсуждавши и писавши объ условіяхъ орагорскаго служенія вообще, требуютъ отъ служителя публичнаго ораторскаго слова самаго тщательнаго и широкаго образованія. Иллатонъ въ „Федрѣ“, гдѣ онъ излагаетъ правила катательно краснорѣчія, доказываетъ, что истиннымъ ораторомъ можетъ быть только философъ, и перечисляетъ множество предметовъ, какіе оратору знать необходимо; для успеха въ его тѣлѣ ему нужно знаніе человѣка и всего того, что входитъ въ область психологіи, знаніе законовъ и обычаевъ.

¹⁾ Твор св. Григорія Богослова, т. I, стр 37, слово 3-е, въ которомъ св. Григорій оправдываетъ свое удаленіе въ Понтъ, по рукоположеніи въ прѣсвитера.

страны, нравовъ каждого сословія, способовъ воспитанія, предразсудковъ и интересовъ, господствующихъ въ живущемъ поколѣніи, средствъ образовать и исправлять умы... Цицеронъ¹⁾ еще болѣе расширяетъ кругъ свѣдѣній, необходимыхъ оратору. Но его сужденію, ораторъ все бы долженъ знать, потому что обо всемъ ему приходится говорить, и онъ никогда не можетъ хорошо говорить о томъ, чего не знаетъ. Но всего нельзя изучить человѣку, по краткости жизни и другимъ неизодолимымъ причинамъ. Въ виду этого Цицеронъ указываетъ знанія, наиболѣе необходимыя оратору. Сюда относить огнь знаніе философіи, въ особенности той части ея, которая говоритъ о нравахъ, знаніе природы страстей, такъ какъ краснорѣчіе имѣеть цѣллю возбуждать страсть; даѣте полезно и необходимо ему чтеніе древнихъ грековъ, изученіе историковъ не для стиля только, но и для ознакомленія съ историческими событиями, изученіе поэтовъ, по причинѣ близкаго соотношенія между поэзіею и краснорѣчіемъ. Однимъ словомъ, ораторъ долженъ обогатить свой умъ разнообразными знаніями прежде, чѣмъ выступить на каѳедру. Тѣ, которые безъ надлежащихъ знаній приступаютъ къ ораторскому служенію,—то же, что люди, отправляющіеся въ дорогу безъ всякой провизіи.

Какое же знаніе необходимо христіанскому проповѣднику, возвѣщающему людямъ слово спасенія?

Мы не хотимъ предъявлять проповѣднику, по отношению къ его знанію, такихъ широкихъ требованій, какія заявляли по отношению къ свѣтскому оратору упомянутые нами знаменитые древніе писатели, руководители мысли современныхъ имъ поколѣній. Проповѣдникъ, по заповѣди Господа Иисуса Христа и полномочію церкви, долженъ служить дѣлу спасенія людей, насаждая и утверждая въ нихъ сѣмена вѣры и благо-

¹⁾ De oratore. Lib. I cap. XII, p. 52—54. Opera Ciceronis tomus secundus, Parisiis, 1768, p. 23 —24.

честія или нравственного усовершенствованія. Онъ долженъ, поистому въ совершенствѣ знать все то, чemu учить и что соблюдать заповѣдалъ Господь Иисусъ Христосъ. Ученіе Христово или христіанская вѣра, понимаемая во всей широтѣ своего значенія—вотъ первый и самый необходимый предметъ, на которомъ должно быть сосредоточено вниманіе проповѣдника, и безъ основательнаго знанія котораго невозможно быть христіанскимъ проповѣдникомъ.

Откуда же можно пріобрѣсть это знаніе христіанскаго ученія? Этотъ вопросъ можетъ показаться празднымъ. Отвѣтъ на него уже даю жизнью и тѣми учрежденіями, какія въ христіанскихъ благоустроенныхъ обществахъ и государствахъ существуютъ для приготовленія достойныхъ служителей церкви, и въ частности проповѣдниковъ. У насъ существуютъ специалныя духовныя школы, въ которыхъ преподаются и изучаются богословская наука по широкой программѣ, и будущіе проповѣдники вѣсі, многолѣтнимъ трудомъ пріобрѣтаютъ для себя нужный запасъ свѣдѣній. Духовный Регламентъ, устроившій порядокъ церковной жизни въ нашемъ отечествѣ въ первой половинѣ XVIII вѣка, и имѣвшій законодательное значеніе, даетъ парочитыя полезныя регулы или правила о проповѣдникахъ слова Божія, и въ первомъ правилѣ право на проповѣдь даетъ только людямъ, прошедшимъ школу, и въ ней изучившимъ богословіе. „Никто же да дерзаетъ проповѣдать (говорить первая регула Регламента о проповѣдникахъ), не въ сей Академіи ученый (статья о проповѣдникахъ слова Божія въ Регламентѣ слѣдуетъ за статьею о домахъ училищныхъ), и отъ Коллегіума духовнаго не свидѣтельствованный. Но если кто учился у иновѣрцовъ, тотъ бы явилъ себѣ прежде въ духовномъ Коллегіумѣ, и тамо его испытать, какъ искусенъ въ священномъ Писаніи: и слово сказалъ бы о томъ, о чемъ ему повелитъ Коллегіумъ, и если искусенъ покажется,

то дать ему свидѣтельство, что аще похощеетъ бытъ въ чину священническому, можно ему проповѣдать".

Но и помимо школы, возможно досугочно полное усвоеніе испить вѣры (хотя это гораздо труднѣе и можетъ явиться счастливымъ исключениемъ) путемъ самодичнаго благочестиваго упражненія въ пріобрѣтеніи религіознаго знанія, и если истины вѣры усвоены человѣкомъ, не посыпавшимъ специальной богословской школы, не умомъ только, но и сердцемъ, то таки можетъ бытъ плодотворнымъ и влиятельнымъ проповѣдникомъ, что мы нерѣдко и видимъ на иночахъ, стяжавшихъ извѣстность своею благочестивою жизнью. Да и въ самой специальной школѣ, при множествѣ предметовъ, числящихся въ ея программѣ, не всѣ они имѣютъ равное значеніе для проповѣдника, имѣющаго своею задачею изложеніе народу ученія о спасеніи. И если нужно указать, знаніе чего наиболѣе полезно и необходимо для проповѣдника, то на первомъ мѣстѣ мы поставили бы знаніе священнаго Писания Въ священномъ Писаніи содежится правило вѣры нашей и источникъ нашихъ познаній о Богѣ и Его отношеніи къ миру и человѣку, о человѣкѣ, его судьбѣ и назначеніи. Здесь, въ священныхъ богодохновенныхъ книгахъ проповѣдникъ найдетъ все, что нужно ему для успѣха въ его дѣлѣ. Церковная проповѣдь есть разъясненіе слова Божія. Въ словѣ Божіемъ тѣя проповѣдника дано все, что нужно и полезно знать памъ для наилѣпшего спасенія; въ немъ и чистое ученіе о предметахъ религіознаго вѣданія, и святой законъ нравственной жизни, и побужденія къ исполненію этого закона, и достоподражаемые примѣры на пути къ нравственному самоусовершенствованію, и все это, облеченое божественнымъ авторитетомъ, придаетъ особенную силу слову проповѣдника,—отсюда онъ можетъ получать подкрѣпленіе своей мысли, и, опираясь на высокій непреложный авторитетъ богодохновеннаго слова, говорить слушателямъ со властью и дѣственнымъ вліяніемъ. Блаженный

Августинъ, излагая правила, уясняющія способъ проповѣданія церковнаго ученія, значеніе Писанія ставитъ первымъ условіемъ доброго и успѣшнаго выполненія проповѣдникомъ своего долга. „Мудро говоритьъ человѣкъ (замѣчасть блаж. Августинъ) тѣмъ болѣе или менѣе, чѣмъ болѣе или менѣе оказалъ онъ истинныхъ успѣховъ въ познаніи священнаго Писанія, т. е., не въ одномъ только чтеніи и затвержданіи онаго на память, но имѣеть въ добромъ разумѣніи и въ тщательномъ изысканіи смысла его... Чѣмъ бѣднѣе видить проповѣдникъ самаго себя въ отношеніи къ собственнымъ дарованіямъ, тѣмъ нужнѣе ему обогащаться знаніемъ, слова Божія, дабы то, что онъ говорить своими словами слабо, подкрѣплять силу Писанія. Такимъ образомъ кажущейся недорослымъ по своему языку иѣкоторымъ образомъ займетъ себѣ ростъ отъ свидѣтельства мужей великихъ”¹⁾.

Второй предметъ, послѣ священнаго Писанія, которому должно быть посвящено вниманіе проповѣдника, и изученіемъ котораго ему нужно съ возможною тщательностю заняться,—творенія отцовъ и учителей церкви. Въ нихъ онъ найдетъ лучшее изложеніе священнаго Писанія, —первоисточника нашей вѣры; чрезъ нихъ для него раскроется истинный смыслъ Писанія въ мѣстахъ темныхъ, подвергающихся перетолкованіямъ, и они укажутъ ему правильный методъ толкованія Писанія. Въ нихъ даѣтъ раскрыта вся полнота церковнаго ученія, и они вѣрные хранители церковнаго преданія, служащаго вторымъ, равнозначительнымъ съ первымъ, источникомъ нашего вѣроученія. Наконецъ, въ писаныхъ отцовъ мы имѣемъ прекрасные образцы церковно-проповѣдническаго слова, по которымъ можно научиться плодотворному, вліятельному и достойному церковной каѳедры способу проповѣдничества. Сильный духъ вѣры и благочестія,

¹⁾ Христіанская наука, блаж. Августина. Кн IV. гл. 7 и 8. Кіевъ, 1835, стр. 249—250.

какимъ проникнуты и запечатлѣны ихъ писанія и проповѣди, ихъ богатый духовный опытъ, ихъ преданность дѣлу спасенія своихъ братій и пламенная ревность, съ какою они охраняли святыни, врученную церкви,—все это, переходя изъ ихъ писаній въ душу прилежно изучающаго ихъ, воспитываетъ его для достойнаго совершенія своего дѣла и способствуетъ ему обогатиться силами или качествами христіанскаго духа, такъ важными для успешнаго исполненія церковнаго слова. Лучшіе гомилеты совѣтуютъ готовящимся къ проповѣдничеству и процовѣдникамъ прилежно изучать въ особенности слова и бесѣды величайшаго изъ христіанскихъ проповѣдниковъ,—св. Иоанна Златоуста. Богословъ-гомилет XVII вѣка Гиперій, высокочтимый и въ современномъ протестантскомъ богословскомъ ученомъ мірѣ, выражаетъ желаніе, чтобы молодые проповѣдники неистранились и нощи читали и перечитывали бесѣды Златоуста; потому что ни у кого, какъ у св. Златоуста, нельзя научиться проповѣднику говорить такъ, какъ нужно,—яено, просто, популярно, и вмѣстѣ учено, умно, виолнѣ прилично и важно¹⁾. Такой же совѣтъ даетъ проповѣдникамъ лучшая гомилетика французская (Кибера), писанная въ классической вѣкъ французскаго церковнаго красорѣчія²⁾. И въ нашемъ духовномъ Регламентѣ шестая регула о проповѣдникахъ слова Божія гласитъ: „Долженъ всякий проповѣдникъ имѣти у себя книги святаго Златоуста, и прилежно чести опытъ: ибо тако пріобучится складать чистѣйшее и яснѣйшее слово, хотя и не будетъ Златоустому равное“.

Что касается богословской учености, нужной для профессора или учителя школы, обязаннаго преподавать известный специальный предметъ, то она, пожалуй, желательна

¹⁾ De formandis concionibus sacris, sive de interpretatione scriptur rum populari. 1553 Lib. I, c. VI, p. 22.

²⁾ L'eloquence chretienne dans idée et dans la pratique. par Gisbert, ch. XIII, Paris. 1866, p. 251.

въ известной степени, но не составляетъ необходимаго условія для успѣшнаго веденія дѣла проповѣдническаго. И не обладающій обширною богословскою ученостю можетъ быть вліятельнымъ проповѣдникомъ. Должъ проповѣдника сообщать людямъ слово спасенія и вести ихъ къ нравственному совершенству. Для этого не требуются ученые снаряды и утонченные материалы, почерпнутые изъ специальныхъ наукъ. Проповѣдникъ говоритъ народу, большинство котораго составляютъ люди простые, не досягающіе до глубины научной мудрости, и учитель народа уклонится отъ своего назначения, если будетъ блестать предъ нимъ своею ученостю и расточать предъ нимъ такія знанія, какія нужны для людей школы. Свидѣтельство Божіе, какое возвѣщаетъ юнгъ проповѣднику, исходить изъ глубины вѣрующаго духа и можетъ проявлять свою силу въ сердцами, и безъ пособія школьнай мудрости человѣческой. Апостолъ Павелъ, великий благоучитель Божій, проповѣдавъ *не въ премудрости слова* (2 Кор. I, 17) и *не въ препрѣтѣльныхъ человѣческія премудрости словескѣ* (2 Кор. II, 4), но его проповѣдь обладала такою силу, какой не обладаютъ слово мудрецовъ, книжниковъ и совопросниковъ вѣка сего.

Кругъ знаній, необходимыхъ проповѣднику, хорошо опредѣленъ въ нашемъ Духовномъ Регламентѣ, въ статьѣ: „*Домы училищные, и въ ихъ учителя и ученики, такожъ и церковные проповѣдинки*“, въ седьмой регуляръ которой тается такое циаставленіе: „Въ богословіи собственно приказать, чтобы ученіо главные доктрины вѣры нашея и законъ Божій. Чель бы учитель богословскій священное писаніе, и учился бы правилъ, какъ прямую истину знать силу и только писаній: и вся бы доктрины укреплять свидѣтельствомъ писаній. А въ помочь того дѣла, чель бы прилежно святыхъ отецъ книги: да таковыхъ отецъ, которые прилежно писали о доктринахъ, за нужду распры, въ церкви случившихся, съ подвигомъ на противныя ереси... Къ тому же зѣло полезны

дѣяния и разговоры вселенскихъ и помѣстныхъ сподобъ. И отъ таковыхъ учителей при священномъ Писаніи не тщетное будетъ ученіе богословское. А хошь и можетъ богословски учителъ и отъ новѣшихъ и новѣрныхъ учителей помощни искать, но долженъ не учитися у нихъ и полагатися на ихъ сказки, но только руководство ихъ принимать, какихъ они отъ Писанія и отъ древнихъ учителей доводовъ употребляють... Многажды бо могутъ господа оные, и чего не бывало, приводятъ. Многажды же слово истинное разврашаютъ⁴.

Нужно ли проповѣднику, для усиленія выполненія своего служенія, свѣтское образованіе или знаніе гуманитарныхъ наукъ? Конечно, всякое знаніе полезно служителю церковнаго слова, и чѣмъ богаче онъ образованіемъ, тѣмъ большими средствами располагаетъ для дѣйствования на умы людей и для достиженія цѣли, стоящей на виду у него. Лучше изъ отцовъ-проповѣдниковъ, напримѣръ, Василий Великий. Григорий Богословъ и Иоаннъ Злагоустъ, не только знали въ совершенствѣ ученіе вѣры, но и владѣли богатствомъ современного гуманитарного знанія, и пользовались имъ въ своей богословской и въ частности проповѣднической практикѣ. Св. Василий Великий даже написалъ особое сочиненіе—слово „къ юношамъ о томъ, какъ пользоваться языческими (свѣтскими) сочиненіями“¹), где онъ показываетъ, что изученіе вѣнчанихъ писателей можетъ быть полезно для уразумѣнія священныхъ и таинственныхъ уроковъ, почерпаемыхъ изъ Откровенія, и разъясняетъ условія, при какихъ это изученіе можетъ быть полезно. Эразмъ Роттердамскій въ своей гомилетикѣ, подобно древнимъ риторамъ, говорившимъ о воспитаніи и образованіи будущаго оратора, начертываетъ очень обширную программу науки, необходимыхъ и полезныхъ для проповѣдника, и хочется видѣть, его свѣдущими во многихъ

¹) Творения св. отцовъ въ русскомъ перевѣдѣ. Т. VIII. Твореній св. Василия Великаго, ч. IV. Бес. 22. стр. 344—366.

отрасляхъ знаній. Но Эразму, проповѣднику необходимо изучать и знать и грамматику, которой онъ даєтъ очень широкіе размѣры, и исторію, и пітику, и древности, и ариѳметику, геометрію, физику и три языка, греческій, латинскій и еврейскій. Само собою разумѣется, что ему должны быть известны риторика и діалектика. Кроме того, Эразмъ входитъ въ разъясненіе того, какія книги лучше всего иметь будущему проповѣднику, и въ этомъ случаѣ онъ соѣдѣтъ ему читать не только творенія святыхъ отцовъ,—но и языческихъ писателей,—прежде всего Димосоена и Цицерона, затѣмъ Платона, Аристотеля, Ливія, Тацита, Сенеки и Плутарха и другихъ. Эразмъ сознается, что трудно человѣку изучить все, рекомендуемыя имъ, разнообразныя науки во всей полнотѣ: для этого не становить всей жизни человѣческой. Но проповѣднику, по его словамъ, есть нужды дѣлать эти науки предметомъ подробнаго специального изученія. Для него достаточны сокращенія изложеній ихъ, въ которыхъ бы преподавалось главное и существенное содержаніе той или другой науки¹⁾. Въ этомъ начертаніи плана науки, необходимыхъ и полезныхъ проповѣднику, какое внушила Эразму забота о поднятіи и усовершенствованіи современного ему проповѣдничества, мы видимъ рѣшн desiderium, и выполнению этого благочестиваго желания иѣкоторымъ образомъ служащіи наши духовныя школы, въ которыхъ приготавляются къ своему служенію будущие пастыри-проповѣдники. Никто не будетъ спорить, что прекрасное явление представляетъ проповѣдникъ-полигисторъ, обладающій общирными и разнообразными знаніями, и если онъ имѣтъ своими слушателями людей изъ образованнаго круга, то несомнѣнно его влияніе будетъ сильнѣе, если онъ стоятъ на высотѣ современного образования, и знакомъ съ послѣдними результатами науч-

¹⁾ Ecclesiastes sive concionator evangelicus L. P. См. выше книгу „Средневѣковая комилетика“, стр. 150—157

ныхъ проповѣдей. Но собственно въ цѣлѣ проповѣдничества это не существенное требование Свѣтѣльство Божіе, возвѣщаемое въ проповѣди, сильно и цѣльно само по себѣ, безъ пособія вѣщней свѣтской учености, и вѣра не нуждается въ такои опорѣ, какую можетъ предложить свѣтская наука. Когда мы излагаемъ учение Христово и говоримъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, когда ссылаемся на свѣтѣльства евангелистовъ, апостола Павла и другихъ богоутюновенныхъ мужей, то могутъ ли придать силы нашему слову мнѣнія Платона. Аристотеля и прочихъ представителей свѣтской учености? И какъ-то непристано ставить рядомъ съ Христомъ или апостоломъ Павломъ какого-либо Сенеку или Платона или Виргилія. Ихъ мнѣнія въ храмѣ или въ предверіи храма, а не въ самомъ святилищѣ, где говорится проповѣдь церковная. У Христа, который всегда богагъ и плодовитъ (говорить Эразмъ), пускь вѣрнѣе всего осагается проповѣдникъ, и сторонни вѣшней прилатокъ, приводимы въ облакѣ проповѣдниками (справедливо замѣчаетъ Юнгманнъ) кажется неумѣленъ при раскрытии откровенной божественной истины. Пользоваться можно въ проповѣди материалами, доставляемыми свѣтскою ученостію, но съ особеною осторожностью, безъ нарушенія церковнаго приличія, огюоль не придавая имъ равнаго значенія съ материалами, почерпнутыми изъ свѣтскихъ религиозныхъ источниковъ. Въ вѣка господства сколастики проповѣдники любили уснащать свои проповѣди свѣдѣніями и примѣрами, заимствованными изъ свѣтскихъ сочиненій сомнительнаго достоинства, и многія изъ этихъ сочиненій, въ родѣ „Физиолога“, „Римскихъ дѣяній“, „Историческаго зерцала“ и т. п., нарочито составлялись для доставленія проповѣдникамъ годнаго для нихъ материала. Огюими материалами сколастическіе проповѣдники пользовались, если не для большей убѣдительности своего слова, то для приданія ему большей занимательности. Но чистый гомилетический вкусы въ этомъ смыщении священно-религиознаго съ

свѣтскимъ элементомъ увидѣть грубое нарушеніе церковнаго приличія, и въ немъ указываетъ одинъ изъ главныхъ недостатковъ схоластической проповѣди. И въѣка господства рационализма, какъ, напримѣръ, въ Германіи въ послѣдней половинѣ XVIII столѣтія, проповѣдники, часто сами скучные вѣрою, говоря съ церковной кафедры, въ своихъ рѣчахъ не столько опирались на слово Божіе, которое изъяснять должны были, сколько старались говорить отъ своего ума своими естественными мутрованіями, тумая усилия свою проповѣдь и больше попраниться своимъ слушателямъ. Благочестивые люди, слушая такія проповѣди, построенные не на словѣ Божіемъ, и проникнутыя рациональными элементами, выходили изъ храма неудовлетворенными и чувствовали гладъ слышанія слова Божія. Если и хорошо говорилось въ такихъ проповѣдяхъ о томъ или другомъ предметѣ съ человѣческой точки зренія, то чѣсто такимъ рѣчамъ (думалось имъ) не въ храмѣ, а въ какой-либо свѣтской аудиторії. Проповѣдники, пренебрегающіе простымъ ученіемъ церкви и предпочитающіе ему доказательства умственныхъ, следуютъ ложному направлению проповѣдническаго духа. Проповѣдники, въ этомъ отношеніи слишкомъ далеко заходящіе, у отцовъ церкви сравниваются съ корчемниками, которые ради скверного прибытка мѣшаютъ вино съ водою (замѣчаетъ по этому поводу Амфитеатровъ въ своей гомилетикѣ¹). Они корчесгиваютъ божественные слова (говорить блаж. Феодоритъ въ толковаціи на 2 посланіе къ Коринѳянамъ (II, 17). дѣляя его басною или простымъ сказаніемъ, и примѣшивая къ благодати свои вымысли, подобно тѣмъ, которые мѣшаютъ чистое вино съ водою, какъ говорить пророкъ: *корченицы твои пьмаютъ вино съ водою* (Ис. I, 19).

¹⁾ Членія о церковной словесности или гомилетика Амфитеатрова, ч. II, § 250, стр. 91.

Не въ знанії проповѣдника главное условіе сильнаго и вліятельнаго проповѣдничества. Человѣкъ широко образованній и отлично изучившій богословскую науку, усвоившій всѣ ея тонкости, въ проповѣднической практикѣ можетъ оказываться и часто оказывается ниже человѣка съ посредственнымъ образованіемъ. Мало одного холоднаго знанія для усилившаго выполненія проповѣдническаго служенія, какъ бы оно ни было широко. Нужно не умомъ только, но и сердцемъ, и первѣе всего сердцемъ, воспринять спасительную истину Христову; нужно всецѣло проникнуться ею,—и тогда она, выходя изъ глубины пламенѣющаго духа, согрѣтая огнемъ ощущенія, будетъ въ устахъ проповѣдника силою, побѣждатою умы и сердца людей. Проповѣднику поручено возвѣщать народу слово Божіе, средоточій пунктъ котораго вѣсты о нашемъ спасеніи, и главная обязанность его, вслѣдствіе полномочія, ему даннаго, —призывать всѣхъ ко спасенію. Когда слово Божіе, какое возвѣщать онъ долженъ, соединяется вѣтвіемъ предметъ, такъ сказать, чуждый и сторонній его туху,—онъ будеъ говоритьъ вяло и не впечатлительно, и огъ него нельзя ожидать горячаго и усерднаго выполненія порученнаго ему дѣла. Иначе становится дѣло, когда слово Божіе переходитъ во внутреннее достояніе человѣка, сливается съ его духовнымъ существомъ и составляетъ жизненный нервъ его души. Когда слово Божіе, зовущее насъ ко спасенію и указывающее пути спасенія, проникаетъ душу человѣка, —при свѣтѣ его онъ ясно видитъ неполноту и несовершенство нашей жизни и нашей мысли, видитъ наши слабости и болѣзни и тотъ раздоръ между нашими стремленіями, который служитъ препятствіемъ къ неуклонному стремленію нутремъ добродѣтели. Ему открывается, что мы люди блуждающіе, часто беззаботно идущіе туда, где угрожаетъ намъ конечная гибель. Освѣщеніе такого состоянія нашего не можетъ не трогать и не волновать чувства живого религиознаго человѣка. И вотъ въ этомъ случаѣ, когда сознаніе

и чувство проникаются словомъ Божімъ,—въ груди человѣка рождается сила, которая пудитъ его, возвѣтъ, среди соратій возвѣщать и распространять спасительные глаголы Божіи, и тогда раздается его голосъ, какъ голосъ проповѣдника, истиинаго посланника Божія,—голосъ сильный, внушительный и вліятельный, проникающій до души и духа, членовъ же и мозговъ. Собственно говоря, такие люди могутъ быть истиинными и плодотворными проповѣдниками. И какъ было бы хорошо для славы церкви и для блага людей, если бы такие люди, всецѣло проникнутые силою слова Божія и пламенѣющіе желаніемъ сообщать людямъ вѣсть о спасеніи, являлись на церковной каѳедрѣ; ихъ слово не оставалось бы втуне, не пронадало бы безъ дѣйствія. Таковы ли нынѣшніе наши проповѣдники, мы обѣ этомъ не хотимъ здѣсь судить. Мы рисуемъ черты идеальнаго проповѣдника, и не можемъ не жалеть, чтобы въ дѣйствительности всѣ, обязанные нести служеніе церковнаго слова, старались приблизиться къ этому идеалу, и выполняли свое служеніе не по долгу только (ex officio), какъ наемники, а отъ полноты сердца, носящаго въ себѣ слово Божіе, слово спасенія, и горящаго желаніемъ передать его другимъ. И говоримъ это, вполнѣ сознавая, какъ важно въ дѣль проповѣдническаго служенія проникновеніе души проповѣдника словомъ Божіимъ, заключающимъ въ себѣ спасительную истину Христову или благую вѣсть о нашемъ спасеніи. Когда слово Божіе наполняетъ душу человѣка и дѣлается въ немъ внутреннею силою, тогда онъ неудержимо влечется или возбуждается къ возвѣщенію глаголовъ Божіихъ, и свою братію, смотря по вызову обстоятельствъ, или наставляетъ и исправляетъ, или утѣшаетъ, или обличаетъ и угрожаетъ ей гнѣвомъ Божіимъ.

Когда мы представляемъ себѣ идеальную проповѣдника, говорящаго во имя Божіе, и являющагося посланникомъ Божіимъ, возвѣщающимъ спасеніе людямъ,—намъ припоминаются воодушевляющіе примѣры великихъ мужей, съ огненною

рвностію возвѣщавшихъ суды и велїнія Божія... Таковъ бытъ великий пророкъ Илія. Глаголь Господень, бывшій ему и прониклій его душу, воспіламениль его ревностію по Господа Богъ Вседержителъ. Налимый этого ревностію, онъ идетъ возвѣщать гнѣвъ Божій па нечестіе Израиля, презирая опасности, ему угрожающія за строгое слово обличенія. На пророка за его строгую проповѣдь поднимаются гоненія: чувство самосохраненія побуждаетъ его скрываться отъ гонителей то у потока Хораоа, то въ хижинѣ бѣдной вдовы, то въ безводной пустынѣ. Ему известно, что нечестивый царь, разгнѣванный па него, всду посыаетъ искать его, чтобы предать его смерти. Но слово Божіе, имъ воспринятое, какъ огнемъ, налило его душу, и онъ выходитъ изъ своего убѣжища, и прямо и безбоязнико предстаетъ прѣтъ лице царя, искавшаго его погибели, и возвѣщаетъ ему суды Божіи, и сила слова его побуждаетъ жестокосердіе нечестивыхъ (3 Цар. XVII, XVIII, XIX). Или вотъ другой великий пророкъ, посланный Богомъ для народовъ — Йеремія, виновительный образецъ для проповѣдниковъ. Съ робостію и нерѣшительностію приступаетъ онъ къ выполнению труднаго служенія, представляя свои слабыя человѣческія силы, и даже обращается къ Господу, посылающему его па проповѣдь, съ словомъ недоумѣнія: *о, сый Владыко Господи, се, не въмъ глаголати; яко отрокъ азъ есмъ* (Іер. I, 6). Но Господь простеръ руку свою, коснулся устъ его, и вложилъ слова свои въ уста его (I, 9), и полились эти слова изъ устъ его,— слова его духа, просвѣщенаго и укрѣпленаго силой Божіею. Онъ сталъ во вратахъ дома Господня, и именемъ Божіимъ убѣждалъ всѣхъ исправить пути и умыщенія свои, обнадеживая въ случаѣ исправленія милостію отъ Бога, а въ противномъ случаѣ угрожая отверженіемъ отъ лица Божія. Проповѣдь пророка, полная угрозъ за нечестіе отъ имени Божія, вызываетъ досаду, брань и миценіе со стороны обличаемыхъ. Вокругъ него угрозы; надъ нимъ учиняютъ

насиліе, ввергають его въ колоду, заключаютъ въ темницу. *Быхъ въ посѣщѣ (говорить онъ) весь день, все ругаютъ мнѣ* (Пер. XX, 7). Даже судь смертный изрекаютъ ему (Пер. XXVI, 11). И вотъ подумалъ онъ: не буду я больше напоминать о Богѣ, не буду больше говорить во имя Его. Но слово Божіе бысть въ сердцы мои, яко огнь горящій, палящій въ костехъ моихъ, и я истомился, удерживая его, и не могу носити (Пер. XX, 9). И онъ, хотя видѣтъ труды и скорби, какія выпали на его долю за проповѣдь отъ имени Божія, хотя тяжко ему чувствовать, что дни его исчезаютъ въ безславіи за вѣрное исполненіе возложеннаго на него порученія, съ удвоенною силою выносить предъ слухъ народа слово, заключенное въ его внутренности и палящее его кости. Примечнимъ первыхъ провозвѣстниковъ благовѣстія Христова. Пока не восприняли они слова Божія, и пока оно не сдѣлалось неотъемлемою частію ихъ существа, они не знали, какъ и что они будутъ говорить. Но Господь, ободряя ихъ, сказалъ имъ: *не пецитесь, како или что возглаголете: не вы будете глаголющіи, но духъ Отца вашего, глаголящій въ васъ* (Мате. X, 19—20). Обѣтованіе Господа апостоламъ имѣеть тотъ смыслъ, что когда освѣтится ихъ сознаніе свѣтомъ небеснымъ, и въ нихъ во-дворится духъ, хранящій истину Божію и ей научающій, имъ дана будетъ премудрость, которой не могутъ противостоять всѣ, противлющіеся имъ, и они, возбуждаемые и руководимые духомъ, имъ обѣщаляемъ, смѣло и рѣшительно выступятъ на проповѣдь Евангелія, хотя бы всѣми были не-навидимы ради имени Христова. И вотъ, когда душа ихъ прониклась и наполнилась спасительною истиной Христовою, отъ нихъ полились такія сильныя слова убѣжденія, что слышавшіе ихъ ужасались, дивились и Ѳедоумѣвали, откуда въ нихъ такая сила словъ, зная, что они люди простые и не- книжные (Дѣян. II, 12, IV, 13), и цѣлья тысячи отъ нихъ слова умилялись сердцемъ и прилагались къ сонму вѣрую-

нихъ (Дѣян. II, 37), Князи, старцы и книжники, призываи
ихъ, заповѣдания имъ отнюдь не провѣщаючи, ниже
учити о имени Иисусовѣ (Дѣян. IV, 18). Но они отвѣ-
чаютъ имъ: не можемъ мы, яже видѣхомъ и слышахомъ,
не глаголати (Дѣян. IV, 26), и посты запрета со всякимъ
дерзновенiemъ возвѣдали глаголы жизни сея и въ церкви и
по домамъ (Дѣян. V, 20—21, 42). Ихъ подвергаютъ бичев-
аніемъ за ихъ проповѣдь; но они радовались, что за имя
Господа Иисуса удостоились принять безчестіе (Дѣян. V, 41).
и не могли удерживать при себѣ слово спасенія, наполнявшее
ихъ душу, не могли не возвѣщать его среди своихъ
собратій, которыхъ желали они спасти отъ пути погибель-
наго.

Можетъ быть подумаетъ читатель, что мы напрасно представляемъ въ примѣръ проповѣдникамъ, при изъясненіи существенныхъ условій достойнаго служенія церковнаго слова, великихъ пророковъ и апостоловъ, которые говорили по вдохновенію отъ Духа Святаго, и которыхъ призваніе было призваніе чрезвычайное. Да, мы не можемъ и не смеемъ равнять съ ними по обилию Духа, на нихъ измѣнаго, пашихъ обыкновенныхъ проповѣдниковъ: нашимъ проповѣдникамъ не дано такого непосредственнаго откровенія, какого устоявались упомянутые нами пророки и апостолы. Но не смотря на это, мы не видимъ логического произвола или насилия въ сближеніи проповѣдниковъ съ тѣми святыми мужами, которыхъ посыпалъ Господь возвѣщать народу свои вѣтвія или глаголы спасенія. Служеніе проповѣдниковъ нашихъ въ существѣ дѣла то же служеніе, къ какому призывались пророки и апостолы. И наши проповѣдники поста-
вляются и посыпаются Церковю, устроенною Господомъ для
домостроительства нашего спасенія, возвѣщать отъ имени
Божія то же ученіе, которое дано намъ Откровеніемъ, и ко-
торое занечатлѣно печатю божественнаго авторитета. Не
свои слова они проповѣдаютъ, а словеса Господни. Пред-

меть ихъ проповѣди—всеблагая воля Божія о насть и о нашемъ спасеніи и преуздорость не вѣка сего, ни князей вѣка сего престающихъ, но преуздорость Божія, которую открыль наль Богъ духомъ своимъ (1 Кор. П, 6—7, 10). И если наши проповѣдники не получили чрезвычайного посланичества, то они исполняютъ порученіе или повелѣніе Господа, преемственю перешедшее къ нимъ чрезъ рядъ вѣковъ отъ апостоловъ. Апостоль говорить о себѣ и другихъ своихъ сослужителяхъ: мы пріяхомъ... духа, иже отъ Бога, да вѣлы, яже отъ Бога дарованная наль (1 Кор. II, 12), и руководимые этимъ Духомъ отъ Бога они обращали ко Христу тысячи изъ народа. Этотъ Духъ отъ Бога долженъ исполнять и души нашихъ проповѣдниковъ продолжателей служенія первыхъ проповѣдниковъ Евангелия, и если сердце проповѣдника не ощущаетъ вѣянія этого духа, если онъ будетъ говорить только въ наученыхъ человѣческия преуздости словесъхъ (1 Кор. II, 13), т. е., будетъ возвѣщать то, что приобрѣтено имъ холоднымъ знаніемъ, не износя того изъ своего сердца, переполненнаго спасающею и одушевляющею истиной Божіею, то онъ не будетъ въ своемъ служеніи достойнымъ послѣдователемъ посланныхъ Богомъ проповѣдниковъ Евангелия.

Мы до сихъ поръ разъясняли первое существенное требование, предъявляемое проповѣднику, выходя изъ того положенія, что онъ, какъ учитель, призванъ возвѣщать слово Божіе. Слово или свидѣтельство Божіе, понимаемое въ широкомъ, пами отмѣченомъ, смыслѣ,—главный предметъ его рѣчи и главная сила, единствующая одушевлять его и изливаться изъ его устъ. Дополненіемъ къ этому требованію должно быть другое требование, сущность котораго разъяснится для насть, когда мы обратимъ вниманіе на тѣхъ людей, которымъ проповѣдникъ сообщаетъ благовѣстіе Христово.

Слово Божие въ проповѣди церковной не можетъ быть простымъ отвлеченнымъ раскрытиемъ религиозной истины. Кабинетское разсужденіе, посвященное уясненію того или другого богословскаго вопроса, если ни къ кому не адресовано, не можетъ быть проповѣдью, какъ бы хорошо оно ни было написано, и какъ бы обстоятельно ни разглаголовало предметъ свой. Проповѣдь непремѣнно, прямо и непосредственно, направляется къ сердцамъ слушателей, требующихъ наставлениія или нуждающихся въ немъ. Господь въ извѣстной притчѣ слово Божие, которое возвѣщать должны проповѣдники, уподобляется сѣменіи, которое сѣятель бросаетъ въ землю (Лук. VIII, 11). Какъ предъ глазами сѣятеля почва, въ которую онъ влагаетъ сѣмена свои, чтобы они, прорѣши въ ней, привнесли плоды, такъ точно и предъ глазами проповѣдника, сбывающаго слово Божіе,—живая, духовная почва, въ которую онъ сѣть сѣмена слова Божія.

Что же это за почва? Это люди, для спасенія которыхъ приходитъ на землю Сынъ Божій, и которыхъ ищетъ, и зоветъ къ себѣ милосердіе Божіе. Первопачально Господь съ проповѣдью о приближеніи царствія Божія посыпалъ учениковъ своихъ ко *овциамъ погибшимъ долму Израилева* (Мате. X, 6) а потомъ повелѣлъ нести слово спасенія ко всѣмъ языкамъ, всѣхъ желая привлечь въ небесное царство свое (Мате. XXVIII, 19). Евангелистъ, когда приступаетъ къ повѣствованію о первопачальномъ посланіи апостоловъ на проповѣдь, указываетъ побудительную причину къ этому распоряженію небеснаго Учителя въ Его милосердной любви или жалости къ народу. *Видѣвъ народы (говорить онъ) милосердова о нихъ, яко бяху смятени и отвержени, яко овцы, не имущія пастыря* (Мате. IX, 36). Онъ видѣлъ, что для этихъ народовъ нужны приставники, руководители и учителя, что много нужно этихъ приставниковъ, и что этимъ приставникамъ предлежитъ не легкій трудъ. *Жатва многа (говорить Онъ ученикамъ своимъ), дѣланіе-*

лѣй же мало: почитеся убо господину жатвы, да изведетъ дѣлател на жатву свою (Мато. IX, 37—38). Проповѣдники и являются тѣми цѣлителями, которыхъ Господь зоветъ и посыпаетъ на жатву свою. И вотъ дѣлатели, призываляемые на духовную жатву, должны быть одушевлены такимъ же чувствомъ, какимъ исполнено было сердце Учителя и нашего Господа, когда Онъ посыпалъ учениковъ своихъ на проповѣдь Евангелія,—жалостію къ народу или горячою любовью къ нему. Проповѣдникамъ поручено возвѣщать народу слово спасенія. Если народамъ, по повелѣнію и указанию Господа, необходимо это слово спасенія, то, значитъ, они представляютъ изъ себя родъ, близкій къ погибели, при неосторожности и легкомысліи, могущій истинастъ въ бездну погибели. И дѣйствительно, такъ смотрѣть долженъ проповѣдникъ на тотъ народъ, къ которому обращается съ своимъ словомъ. Правда, въ христіанскомъ мірѣ, гдѣ дѣйствуютъ наши проповѣдники, народъ не представляетъ изъ себя разсѣянныхъ и блуждающихъ овецъ, не имѣющихъ пастыря,—но крайней мѣрѣ въ большинствѣ своемъ. Въ немъ является для насть родъ спасаемыхъ, чрезъ вѣру въ Иисуса Христа вошедшихъ въ царство Божіе. Но и для народа, воспринятаго или вошедшаго въ царство Божіе, нужно слово спасенія, порученное проповѣдникамъ. Среди него много людей, которые не успѣли еще овладѣть спасительною истиной Христовою или потеряли ее. Многихъ изъ нихъ можно назвать младенцами по вѣрѣ, которые питались однимъ молокомъ, годнымъ только для дѣтскаго возраста. Имъ нужно дать болѣе твердую пищу, чтобы они достигли зрѣлости духовной. *Всякъ, причащаїся п.лека (говорить апостоль) не искусенъ слова правды, младенецъ бо есть* (Евр. V, 13). По апостолу, твердое пониманіе вѣры и ясное познаніе Сына Божія всемъ членамъ церкви необходимо, дабы не были они *безъ младенцами, какъ юношами и увѣлѣющими всѣхъ вѣромъ ученія, по лукавству человѣковъ и по хитрому ис-*

кусству обольщемя (Евр. IV, 14). Кромѣ того и живущіе въ церкви и утверждавшіе въ Сына Божія, Спасителя міра, не могутъ считать себя въ полной безопасности отъ паденій. Скольжкимъ путемъ падуть они; соблазны кругомъ и искушенія; внутри нась страсти и плотяной законъ, противоборствующій закону ума нашего. Въ мертвенному тѣлу нашемъ гнѣздится и господствуетъ грѣхъ, который порабощаетъ насть себѣ и поработивъ низвергаетъ насть въ бездну погибели. Апостолъ указываетъ еще болѣе сильную брань, которую должны выдерживать ищущіе спасенія; — это брань не къ крови и плоти, но къ началомъ и ко властемъ, и къ міродержителемъ тмы вѣка сего (Ефес. VI, 12), которые, какъ львы рыкающіе, ходятъ, ища, кого поглотити (I Петр. V, 8). Церковь не даромъ называется церковію воинствующею. Царствіе Божіе и спасеніе въ немъ, по слову Господа, пудится, и только нуждицы восхищаются его (Матв. XI, 12), то есть, оно достается путемъ напряженія труда и большихъ усилий, и при беспечности и неосторожности можетъ быть утеряно и тѣми, которые восприняли и благодать отъ Бога въ таинствахъ. Предъ глазами проповѣдника стоять должны народъ съ разнообразными нуждами, гребущими удовлетворенія. Намъ изъ нихъ нужно наставление и наученіе въ вѣрѣ, другимъ поощреніе къ доброй праведной дѣятельности, третьимъ предостереженіе, четвертымъ обличеніе и исправленіе, пятymъ утѣшеніе и тому подобное, и все это въ видахъ спасенія, которое стоитъ предъ всѣми нами, какъ завѣтная цѣль, къ которой мы должны стремиться. И все эти люди наши ближніе, наши братья, соединенные съ нами множествомъ узъ. Къ этимъ узамъ, скрѣпленнымъ единствомъ происхожденія и природы и пребываніемъ въ единомъ тѣлѣ церкви въ такомъ союзѣ, въ какомъ находятся члены нашего тѣлеснаго организма, изволеніемъ Господа и избраниемъ правителей церковныхъ, для проповѣдниковъ присоединена новая связь съ людьми,

являющимися предъ ихъ кафедрою. Господь, по безбройной любви своеї благоволившій ради нашего спасенія изъйти съ неба и претерпѣть крестную смерть, желающій вѣмъ человѣкомъ спастися и въ разумѣ истины прійти, проповѣдникамъ поручаетъ быть пѣстунами и хранителями людей, ввѣряемыхъ имъ попеченію. Ихъ избраніе и положеніе въ церкви внушаютъ имъ особенную заботливость о тѣхъ, для кого они поставляются учителями, хранителями и руководителями. Сила, подвигшая Сына Божія на спасеніе міра, должна паходить отраженіе и въ тѣхъ, кому ввѣряется охраненіе спасаемыхъ: ею должны одушевляться и укрѣпляться въ своемъ служеніи проповѣдники, пѣстуны народа. Эта сила — любовь. Это второе качество, требуемое отъ проповѣдника для достойнаго выполненія своего служенія. Любовь къ братіи подвигнетъ проповѣдника съ неутомимою ревностію проповѣдывать и провозглашать слово спасенія. Она дастъ ему энергію и согрѣеть теплотою его рѣчи. Одушевляемый ею, онъ болѣдетъ стоять на стражѣ своей, и неумолчно будетъ возглашать, направляя людей на пути Господни, и, какъ трубу, возвысить гласъ свой, когда будетъ видѣть, что великая опасности угрожаютъ его народу, и онъ своимъ поведеніемъ призываетъ на себя грозный гнѣвъ Божій. Не будетъ въ сердцѣ проповѣдника этой одушевляющей любви къ братіи, слово его будетъ сухо, холодно, казенно и потому мало тѣлесственно на слушателей. Ими тотчасъ же чувствуется, изъ какихъ побужденій возникаетъ слово проповѣдника, изъ внутренней ли потребности горячаго благожелательнаго сердца, или просто изъ одного официального долга, возложеннаго на человѣка, и въ первомъ случаѣ на слово сердца они отвѣчаютъ открытымъ сердцемъ, и съ покорностію склоняются предъ нимъ даже тогда, когда проповѣдниятъ по требованію обстоятельствъ, обращаетъ къ нимъ суровое слово обличенія.

Если сердце проповѣдника одушевлено любовію къ тому народу, которому опь поставленъ возвѣщать слово спасенія, то онъ войдетъ въ живое и тѣсное взаимообщеніе съ нимъ. Онъ съ теплымъ участіемъ будетъ относиться къ нему, войдеть въ его положеніе, узнаетъ его возрастнія, его нравственное состояніе, со всѣми его недостатками, степень его умственнаго развитія и весь строй и направление его духовной жизни. А это значитъ, приобрѣтаемое проповѣдникомъ при участливомъ и любовномъ отношеніи къ своимъ слушателямъ, весьма важное и даже необходимое условіе дѣйственаго и плодотворнаго проповѣдного слова. Безъ этого значенія слово проповѣдника будетъ не мѣтко, обще и отвлечено; безъ этого значенія онъ можетъ предлагать своимъ слушателямъ не то, что для нихъ требуется, и можетъ говорить тономъ и складомъ рѣчи, для нихъ непривычнымъ и неприспособленнымъ. Онъ можетъ возвѣщать святую истину, можетъ раскрывать ученіе, заимствованное изъ Откровенія. Но слово проповѣдника, возвѣщающее святую истину, взятое въ общемъ, отвлеченному видѣ, годную для всѣхъ и ни для кого въ частности, можетъ оказаться мало жизненнымъ. Оно можетъ не встрѣтить въ сердцахъ слушателей восприимчивой для себя почвы. Оно будетъ раздаваться предъ слухомъ слушателей, но ничто изъ него или только малая часть будетъ западать въ души слушателей, и сѣмъ слова Божія, такимъ образомъ сбѣмое, будегъ разноситься вѣтромъ, и не принесеть того плода, какого отъ него можно бы было ожидать, если бы проповѣдникъ, возвѣщая святую истину, соразмѣрялъ ее съ потребностями и воспріемлемостію своихъ слушателей, то есть, бралъ изъ нея то, что для нихъ наиболѣе необходимо, и давалъ ей понятное и доступное для народа выраженіе. Иначе онъ будетъ, какъ *льдъ звенящая или кипвалъ бряцая* (1 Кор. XIII, 1), хотя бы слово его и обладало обиліемъ разума.

Апостолъ Павелъ, говоря о проповѣди Евангелія или о благовѣстіи Христовомъ, какое, по новеллью Господа, онъ несъ народамъ, съ особеннымъ ударениемъ указываетъ на то, что онъ при своемъ благовѣствованіи обращалъ вниманіе на немоци и настроеніе тѣхъ, которыхъ приходилось ему благовѣствовать о Христѣ и по возможности старался приспособляться къ нимъ, чтобы лучше подѣйствовать на нихъ и обратить ихъ на путь спасенія. Для гудеевъ (говорить онъ) я бы іб, какъ гудей, чтобы пріобрѣсть гудеевъ; для подзаконныхъ бы іб, какъ подзаконный, чтобы пріобрѣсть подзаконныхъ; для чуждыхъ закона, какъ чуждый закона (не будучи чуждъ закона предъ Богомъ, но подзаконенъ Христу), чтобы пріобрѣсть чуждыхъ закона, для неизощныхъ бы іб, какъ неизощный, чтобы пріобрѣсть неизощныхъ. Для всіхъ я сдѣлаю вспілъ, чтобы спасти по крайней мѣрѣ пѣкоторыхъ. Сие же дѣлаю для Евангелія, чтобы быть соучастникомъ его (1 Кор. IX, 20—23). Я угощаю всілъ во всілъ, ища не своей пользы, но пользы многихъ, чтобы они спаслись (1 Кор. X, 33).

Примѣръ апостола знаменагелень и поучигелень для всіхъ благовѣстниковъ Христовыхъ, какими мы считаемъ проповѣщиковъ. Подобно апостолу, они должны входить въ ближайшее сердечное обиціє съ своими слушателями. При этомъ обиціє для иныхъ откроются въ нихъ такія расположениія, къ какимъ удобно привыкать слово благовѣстія, и тогда найдутъ они въ ихъ душѣ почву, предрасположенную къ пріятію и усвоенію съмени слова Божія. При этомъ обиції видны будутъ и ихъ духовно-религіозныя нужды, и тогда легко будетъ дать имъ соотвѣтственное удовлетвореніе. Апостолъ Павелъ въ посланіи къ Коринтянамъ говоритъ имъ: *иже коли вы напоихъ, а не браиномъ: ибо не уможасте, по ниже еще можете нынъ* (1 Кор. III, 2). Видите, съ какою, можно сказать, нѣжностю и вмѣстъ съ какою мудрою осмотрительностю онъ питаетъ духовною пи-

щюю тѣхъ, кого, по его собственному выраженію, онъ родилъ своимъ благовѣщованіемъ. Какъ мать, относится онъ къ чадамъ своимъ по благовѣстію, и владѣя всею полнотою истины Христовой, для нихъ избираетъ легчайшія и существенные части, которыхъ бы безъ труда могли быть усвоены имъ разумѣніемъ.

Если мы обратимся къ практикѣ апостольского благовѣстія, и будемъ судить по тѣмъ рѣчамъ, какія сохранились, для нашего познанія, Деянія апостольскія, то увиждимъ, съ какою снисходительностью и съ какою мудростью апостолы приспособляли свое благовѣстіе къ настроению и нравственному состоянию своихъ слушателей, желая тѣмъ вѣрѣ привести ихъ къ спасительной вѣрѣ во Христа или утвердить увѣровавшихъ въ ихъ преданности закону Божію. Вотъ апостолъ Петръ проповѣдуетъ въ Іерусалимѣ, гдѣ слушателями его были іудеи, почивавши на законѣ. Призывая ихъ къ вѣрѣ въ Господа Іисуса, онъ припомншаетъ имъ, что Господь Богъ отъ вѣка предопредѣлилъ послать имъ обѣтованаго Избавителя, приводить древнія пророчества о Немъ и о временахъ Его благодатнаго царства, указываетъ на то, что они не приняли Его, отвергли Его и даже Начальника жизни предали смерти, но Богъ воскресилъ Его отъ мертвыхъ, чему мы являемся свидѣтелями. Но чтобы смягчить тяжесть вины, лежащей на предавшихъ смерти Господа, апостолъ прибавляетъ, въ извиненіе ихъ: *Вѣль, браніе, яко по невѣданнію сіе сотвористе, яко же и князи ваши* (Дѣян. II. 14—39. III, 12—26), но выѣстѣ съ тѣмъ объясняется, что это совершилось въ исполненіе древніхъ пророчествъ: *Богъ, яко предвозвѣсти усты всѣхъ пророкъ пострадати Христу, исполни тако.* Вамъ (даже говорить апостолъ, располагая слушателей къ принятию благовѣстія) первѣе всего дано обѣтованіе спасенія, и чадамъ вашимъ; къ вамъ первымъ Богъ, воскресивъ Сына Своего Іисуса, послать Его благословить васъ, чтобы каждый изъ васъ отвратился отъ

зыхъ дѣль своихъ. И многіе, слыша такое слово, умнѣлись сердцемъ и любезно принимали апостольское слово. Или припомните рѣчи апостола Павла въ афинскомъ Ареонатѣ. Въ Афинахъ духъ его раздражался при видѣ множества идоловъ. Но приведенный въ Ареонатъ, онъ въ рѣчи своей сдерживаетъ свое негодованіе, вызванное въ немъ видомъ множества идоловъ, и первѣе всего выставляетъ на видъ ихъ пабожность и благочестіе, по только это благочестіе, по словамъ апостола, не туда направлено, куда бы слѣдовало, такъ какъ они не знаютъ истиннаго Бога, что заставило апостола надписью на ихъ храмѣ. Этого истиннаго Бога, котораго, не зная, чтили афиняне, апостоль и стать имъ проповѣдывать, и въ своихъ разсужденіяхъ приводить даже изреченія изъ греческихъ стихотворцевъ. Апостоль говорилъ такъ, имѣя въ виду ту почву, на которую онъ призванъ быть обстоятельствами сбыть съмѧ слова Божія, и хотя болѣтиство не пришло святаго съмени, предложеннаго апостоломъ, но мудрое слово все-таки не осталось безплоднымъ. По сказанію книги Ціяній апостольскихъ, нѣкоторые, по выслушаніи рѣчи апостола, приставъ къ нему, увѣровали; между ними былъ извѣстный въ исторіи христіанской письменности Діонисій ареонагигъ (Ціян. XVII, 22—34). Но тотъ же Павелъ въ рѣчи, говореной въ синагогѣ антіохійской, другое направление даетъ проповѣдемому имъ слову спасенія, собразуясь съ настроениемъ своихъ слушателей. Онъ припоминаетъ имъ исторію богоизбранныго народа, означенованную чудесами особеннаго промышленія о немъ, и переделши къ слову о Христѣ, воскресшемъ изъ мертвыхъ, указываетъ въ Немъ исполненіе обѣтованія, даннаго отцамъ ихъ (Ціян. XIII, 16—41). А въ рѣчи къ пресвитерамъ ефесскимъ мы читаемъ такое трогательное задушевное слово, вызванное обстоятельствами и расположenіями людей, призванныхъ имъ. Почвою, на которую онъ сѣялъ здѣсь слово Божіе, были сердца людей, къ нему расположенныхъ и съ особеннымъ

стараниемъ наученныхъ имъ вѣрѣ, которыми онъ поручилъ охраненіе церкви Божіей,—и вотъ предъ ними его душа изливается въ такихъ словахъ, отъ которыхъ не могли не умилиться размягченныя сердца. Онъ припоминаетъ имъ свои заботы и труды, для нихъ подъятые, указываетъ на свои скорби и выражаетъ свое предчувствіе, которое говоритъ ему, что скоро придется ему скончать свое теченіе и принятое отъ Господа служеніе проповѣданія Евангелія благодати Божіей, и потому проситъ ихъ внимать себѣ и всему стаду, вѣренному ихъ охраненію, предвидя и со скорбю указывая на то, что, по отшествію его, явятся лютые волки, не щадящіе стада, и въ заключеніе всего предаетъ ихъ Богу и слову благодати Его, могущему назидать ихъ и дать имъ наслѣдіе со всѣми освященными (Лкян. XX. 18—35).

Мы привели эти примѣры въ показаніе того, какъ должны быть выполнены существенныя требования, предъявляемыя проповѣднику. Для него мало того, чтобы душа его была наполнена словами Божіими. Это только одна сторона дѣла. Слова Божія, ему порученіе, онъ не зря долженъ бросать вокругъ себя, а строго сообразуясь съ духовными потребностями и удобоилемостію тѣхъ, кому онъ предлагаетъ свое благовѣстіе. Слову Божію въ устахъ проповѣдника нужно быть не только словомъ чистымъ и святымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и словомъ жизненнымъ, которое бы прямо могло цустигъ корни въ ту почву, въ которую сѣется. Можетъ говорить проповѣдникъ умное слово, можетъ разсыпать въ немъ богатство знаній, можетъ раскрывать возвышенное ученіе о тайнахъ вѣры, но что пользы отъ этого слова, когда оно носится надъ головами слушателей и не можетъ быть воспринято ими? Необходимо широко содержаніе слова Божія, возвѣщаемаго въ церкви. Умѣть выбрать изъ него именно погребное и пригодное для народа дѣло и дѣло искусства проповѣдника. А это умѣніе дается и приобрѣтается сердечною любовью къ народу, стоящему предъ гла-

зами проповѣдника, которая исполняетъ его живѣйшимъ желаніемъ помочь ему, указать ему путь ко спасенію и поддержать на этомъ пути, и вмѣстѣ съ тѣмъ вводя его въ близкое отноленіе къ нему, раскрываетъ предъ нимъ нужды этого народа и его расположенія.

Итакъ отъ проповѣдника, для достойнаго исполненія своего служенія, требуется двойное одушевленіе: съ одной стороны, глубокое восприятіе всѣмъ существомъ своего духа, а не отнимъ холоднымъ знаніемъ, святаго закона Божія или того слова спасенія, какое дано намъ въ благовѣстіи Христовою. Душа его должна быть объята и нерополнена спасительною истиной Христовою, и отъ избытка сердца, переполненнаго ею, уста его будутъ возвѣщать то, что служить къ созиданію спасенія нашего и къ усграненію всѣхъ препягствій, затрудняющихъ наше спасеніе. Съ другой стороны, у него должно быть живое сердечное сочувствіе своему народу, къ которому онъ направляетъ свое слово, ясное поницаніе его нравственно-религіозныхъ нуждъ и всецѣлай претанность интересамъ своихъ братій, побуждающая его сдѣлать все для ихъ просвѣщенія, спасенія и нравственного совершенствованія въ богоугодной жизни. Если будетъ у него это двойное одушевленіе, тогда пусть онъ не печется о томъ, о чёмъ и какъ ему нужно говорить. Душа его изольется въ словахъ, которыя безъ особенного напряженія явятся у него, какъ естественное непринужденное выраженіе горячаго убѣженія въ спасительной истинѣ, его одушевляющаго, и его рѣчи будетъ указывать направленіе и дастъ силу и энергію глубокая симпатія къ братіи своей, сердечное желаніе возвѣстить имъ то, что полезно, или что требуется для нихъ по ихъ религіозно-нравственному состоянію. И слова эти будутъ и сильны и убѣдительны, и въ то же самое время чистки, падая на почву, хорошо известную свягелю духовнаго сѣмени.

И вотъ, въ воспитаніи будущаго проповѣдника, главная задача насаждать и утвердить въ его душѣ эти двѣ силы, это двойное одушевленіе и истину Божію и любовью къ народу, нуждающемуся въ этой истинѣ. Этихъ силъ не дасть гомилетика, какъ бы хорошо и обстоятельно ни была она построена и раскрыта. Насажденію и укрѣпленію ихъ въ сердцѣ человѣка должны содѣйствовать весь строй и вся система воспитанія, понимаемая во всей широтѣ ея. Когда человѣкъ будетъ обладать этими силами, или, лучше, когда онъ будутъ обладать его душою, для него, при выполненіи служенія церковнаго слова, не будетъ имѣть большой важности школьная наука, предписывающая правила проповѣдничества, не нужна и даже стѣснительна можетъ быть виѣшняя форма, указываемая литературамъ или гомилетическимъ обычаемъ, которая въ иныхъ случаяхъ можетъ быть лишеніемъ узлою и причиной охлажденія искренняго горячаго энтузіазма.

Не то это значитъ, что проповѣдникъ, въ силу своего одушевленія, можетъ пренебрегать виѣшнею формою и принятыми приличіемъ церковнымъ, и можетъ дозволять себѣ небрежныя выраженія и какой-либо грубый или простоватый стиль. Это было бы оскорблениемъ святаго одушевленія и проповѣдемой истины. Благородная и сильная душа съумѣеть найти себѣ благородное и сильное выраженіе, и не можетъ иначе выражаться, какъ чисто, благородно и сильно, такъ какъ въ стилѣ выражается весь человѣкъ и отпечатывается душа его. Святое и возвышенное убѣжденіе влечетъ за собою и соответственное виѣшнее облаченіе, когда настоить ему нужда выскажаться предъ слухомъ многихъ. Мы хотимъ сказать только, что забота о виѣшиней формѣ проповѣднической не должна быть главною заботою въ служеніи проповѣдника. Не здесь, не въ этомъ секретъ, отъ котораго зависитъ сила и дѣйственность проповѣдническаго слова, а именно въ томъ одушевленіи, о которомъ мы говорили прежде. Безъ этого одушевленія проповѣдники будутъ, если не лживыми проро-

ками, то бездушиными и большою частю праздными говорунами. Ихъ слово не будетъ носить и возвѣщать живой истины, хотя бы они говорили правду, не вызывающую возражений. Они будутъ возвѣщать всѣмъ извѣстное и утвержденное церковно ученіе, но о нихъ могутъ говорить, что ихъ проповѣдь казенная, не отъ нихъ вышедшая, не ими возлѣтѣянная, а на прокатъ взятая изъ общей сокровищницы вѣры и знанія. Къ такимъ проповѣдникамъ можно приложить слова пророка Йереміи о лживыхъ пророкахъ, износившихъ предъ народомъ такія пророчества, которыхъ вовсе не выходили изъ ихъ сердца. Ихъ слово пророкъ называетъ мякиною, сравнивая его съ чистымъ словомъ Божіимъ, которое онъ называетъ ищеницею или чистымъ зерномъ. *Зачѣмъ быть мякинью съ чистымъ зерномъ? Таково слово Мое, говоритъ Господь. Слово Мое не подобно ли огню, говоритъ Господь, и не подобно ли молоту, разбивающему скалу?* Посему вотъ Я на пророковъ, говоритъ Господь, которые крадутъ слова Мои другъ у друга. Вотъ Я на пророковъ, говоритъ Господь, которые дѣйствуютъ своимъ языкомъ, а говорятъ: Онъ сказалъ... Такіе пророки никакой пользы не приносятъ народу своему (Іер. XXIII. 28—32). Правда, проповѣдники, передающіе христіанско ученіе, какъ бы они его ни излагали, сбютъ и предлагаются не мякину, а чистое зерно, и мы, можетъ быть, дѣлаемъ пнатажку, когда на нихъ простираемъ судъ Божій, изреченный неѣкогда пророкомъ Йеремію на ложныхъ пророковъ. Но если проповѣдники выносятъ предлагаемое ими слово ученія не изъ сокровищницы своего сердца, не прочувствованное ими, то они также, какъ обличаемые Йеремію пророки, крадутъ слова ученія, ими предлагаемаго, у искренняго своего или изъ мертвей книги, и дѣйствуютъ однимъ языкомъ, въ самодовольной увѣренности, что они передаютъ откровеніе Божіе. И слово Божіе изъ ихъ усть выходитъ, какъ слово или сѣмя изсохшее, не оживотворенное, въ которомъ не чув-

ствуется присутствие оплодотворяющей силы, и потому оно, падая на почву душъ слушателей, можетъ не пустить въ ней ростковъ и не пронвить той живительной силы, какая скрыта въ немъ.

Для всѣхъ проповѣдниковъ высочайшимъ образцомъ, къ которому они, по мѣрѣ силъ своихъ, должны приближаться, служитъ небесный Учителъ-Господь, съ своимъ божественнымъ словомъ. Въ чистѣйшемъ и совершенномъ проявленіи Его учительной силы дано намъ наставительное руководство въ способѣ сообщенія спасительной истины народу, показывающе намъ, какъ нужно вести дѣло церковно-общественнаго назиданія. Что же показываетъ памъ и чему учитъ этотъ высочайший образецъ, стояцій передъ нами, хотя и недостижимый для насть во всей полнотѣ своей? Евангелисты сообщаютъ намъ о необыкновенномъ впечатлѣніи, производимомъ на слушателей Его ученіемъ и Его рѣчами. По ихъ словамъ, всѣ дивились ученію Его (Матв. VII, 28. Марк. I, 22), и это удивленіе простиравось даже до ужаса (Лук. IV, 32). Въ объясненіе этого поражающаго дѣйствія ученія Христова, они указываютъ, съ одной стороны, на то, что Онъ училь народъ, какъ власть имѣюцій, а не какъ книжники (Матв. VII, 29. Марк. I, 22. Лук. IV, 32), а съ другой стороны, на то, что слова Его были слова благодати ($\chi\rho\rις$), обладавшія необычайною сладостію. Поражающая царственная власть божественнаго слова небеснаго Учителя происходила не отъ виѣнняго блеска, а отъ подноты внутреннаго духа, проникнутаго всепобѣждающею правдою Божиєю. Властвое слово— это слово святаго одушевленія, въ которомъ находила выраженіе сила божественнаго духа Христова. Этого свойства побѣждающей власти не можетъ имѣть вялое или сухое слово, повторяющее чужой голосъ, и не согрѣтое живымъ дыханіемъ души говорящаго. И слова благодати, исходившія изъ устъ Спасителя, услаждавшія сердца слушателей, не были плодомъ искусства. Сышавшие ихъ недоумѣвали и сирали-

вали другъ у друга: откуда у Учителя такая увлекающая благодатная сила слова? *Не сей ли есть сынъ тектоновъ* (Иосифовъ) (Мате. XIII, 54—6. Лук. IV, 22)? Въ нихъ не видно было того напряженія, которымъ достигается совершенство словъ людьми ораторской профессіи. Необыкновенную сладость и благодать рѣчамъ небеснаго Учителя придавало величіе божественной любви, проникающей Его слово. Въ Его словѣ слышался голосъ глубокой несказанной симпатіи къ человѣку и человѣчеству, его нуждамъ, бѣдамъ и страданіямъ. Извъ любви божественной души возникала творческая сила, которая простому орудію человѣческой мысли и сообщенія—языку давала высшее совершенство, и благоуханіемъ своей святыни приправляя волнующееся слово, облекала его такимъ могуществомъ и сладостію, что ему не могли противостоять и тѣ, которые желали бы признать его несовершенства и слабости.

Апостоль, когда говоритъ о своей проповѣди, основнымъ свойствомъ ея представляется не искусство, не мудрость человѣческую, но явленіе духа и силы. *Слово лое и проповѣдь моя* (говоритъ онъ) *не въ препрѣтельныхъ человѣческия премудрости словесъхъ, но въ явленіи духа и силы* (1 Кор. II, 4). Это явленіе духа и силы есть именно то дѣйственное одушевленіе, которое мы ставимъ первымъ условиемъ сильнаго и впечатлительного церковнаго слова. Противополагая это свойство мудрости человѣческой или отстраняя отъ своего слова вѣнчнее искусство, апостоль тѣмъ самымъ хочетъ дать понять, въ чёмъ онъ полагаетъ главную принадлежность, которая должна отличать дѣйственную христіанскую проповѣдь.

Можетъ ли и должна ли заявлять себя въ проповѣди личность человѣка—проповѣдника? Благовѣстіе Христово, составляющее содержаніе проповѣди, дано свыше и одно для всѣхъ, и проповѣдники, сообщающіе народу это благовѣстіе,—

органы, чрезъ которые оно переходитъ къ людямъ. Новидимому, здѣсь нѣтъ мѣста для проявленія личной оригинальности проповѣдника. Но такъ можетъ казаться только при поверхностномъ взгляде на дѣло. Проповѣдникъ не мертвый органъ, чрезъ который механически передается народу слово спасенія, а живой свидѣтель истины, призванный на служеніе ближнимъ своимъ. Истина, имъ возвѣщаемая, должна пройти чрезъ горнillo его духа, такъ сказать, расплываться въ лабораторіи его сердца, и явиться предъ слушателями не въ мертвомъ или сухомъ видѣ, но согрѣтая его дыханіемъ, какъ живое слово его убѣжденія. При этомъ воспріятіе истины духомъ проповѣдника, для передачи ея народу, онъ перерабатываетъ или видоизмѣняетъ ея форму, примѣнительно къ нуждамъ и восприемлемости своихъ слушателей. То недостатокъ проповѣди, если въ ней не видно отпечатка личнаго элемента или личнаго воздействиія проповѣдника. Это знакъ, что возвѣщаемая истина не выливается изъ души, а только проходитъ чрезъ уста проповѣдника, и въ этомъ случаѣ трудно признать ее живымъ свидѣтельствомъ истины. А когда излагается истина прочувствованная, высится со дна души, какъ хранимое здѣсь сокровище, тогда слово обѣ этой истинѣ не можетъ не имѣть личнаго отпечатка. Душа человѣка-проповѣдника тѣмъ, сильнѣе и реальнѣе проявляеть себя и свою личную оригинальность въ своемъ словѣ, чѣмъ глубже и искреннѣе ея убѣженіе въ возвѣщаемой истинѣ. И, замѣчательно, какъ чуточку и внимателенъ бывасть народъ къ живому слову убѣжденія, отмѣченому печатю личнаго таланта. Толпы стекаются слушать его, хотя то, что слышать отъ него, знаютъ изъ книгъ, хотя книга даже обстоятельнѣе раскрываетъ затрогиваемую имъ истину. Живая душа ищетъ и жаждетъ живого свидѣтельства, выходящаго отъ сочувствующей души, и имъ удовлетворяется болѣе, чѣмъ умными холодными разсужденіями.

Долженъ ли проповѣдникъ быть ораторомъ? Иль нашихъ предыдущихъ изъяснений виденъ толь отвѣтъ, какой мы можемъ и должны дать на этотъ вопросъ. Если сущность ораторства полагать въ красотѣ и блескѣ слова, во вѣнчаной художественной технике рѣчи, какъ многие и понимаютъ его, то мы прямо скажемъ, что такое краснорѣчіе—eloquentia artificiosa—пріобрѣтаемое трудомъ и специальнымъ изученiemъ и требующее еще особаго таланта, не можетъ быть поставлено въ прямую обязанность церковнаго проповѣдника, возвѣщающаго слово спасенія. Господь Иисусъ Христосъ простыхъ рыбарей, незнакомыхъ съ искусствомъ, изучаемымъ въ школѣ, послалъ проповѣждывать евангеліе всѣмъ народамъ и учить ихъ всему, заповѣданному имъ, и они, исполняя повелѣніе своего Учителя и Господа, при возвѣщеніи евангелія о Христѣ и нашемъ спасеніи, не приблигали къ пособію искусства человѣческаго. Апостолъ Павель даже съ особеннымъ ударениемъ свое простое слово противополагаетъ мудрости человѣческой, и даетъ разумѣть, что это простое слово, вспомоществуемое силою Божіею, и очерпаемое не въ наученныхъ человѣческихъ премудростяхъ словесъ, но въ наученныхъ Духа Святаго, оказались гораздо сильнѣе и действеннѣе, чѣмъ слово мудрости или искусства человѣческаго (1 Кор. II, 4—13), и тѣмъ самымъ какъ бы отрицаеть значеніе человѣческаго искусства въ службѣ благовѣстія Христова. Но сущность краснорѣчія, по нашему пониманію, раздѣляемому и другими авторитетными исследователями этого предмета, отнюдь не состоять во вѣнчанемъ блескѣ и художественной технике слова. Источное начало краснорѣчія—внутренняя сила духа человѣка, выступающаго съ публичнымъ словомъ къ народу, обѣятаго предметомъ и обнимаящая предметъ свой, и стремящаяся передать свое содержаніе другимъ. Въ этой внутренней силѣ духа, стремящейся подействовать на сознаніе и волю другихъ,—головное устройство истиннаго ораторства, и вѣнчанія художе-

ственность слова второстепенная, можно сказать, несущест-
венная и случайная принадлежность его. Она можетъ быть
и не быть: ораторское произведение состоится и можетъ
имѣть свое значеніе, равно и производить свое дѣйствіе,
если и не будетъ облечено въ красивую форму. Понятно,
въ какомъ смыслѣ проповѣдникъ и можетъ и долженъ быть
ораторомъ. Отъ него мы въправѣ требовать, чтобы въ немъ
дѣйственна была внутренняя сила духа, дающая его слову
живость и энергию. Различны степени проявленія этой силы,
какъ различны достоинства орагорскихъ произведений. Но
у истиннаго проповѣдника должна быть большая или мень-
шая мѣра этой силы, которую мы можемъ назвать религіоз-
нымъ одушевленіемъ. Отъ дѣйствія этой силы рождается его
слово, и отъ нея оно получаетъ живость, теплоту и сердеч-
ность. А когда идти ся въ душѣ, или она не дѣйствуетъ,
а между тѣмъ проповѣдникъ выходитъ на каѳедру, тогда
онъ хотя принимаетъ видъ оратора, но, не имѣя того, на
чемъ основывается и зиждется достоинство ораторского про-
изведенія, не можетъ дать дѣйственного слова, и проповѣди
такихъ лицъ обыкновенно не имѣютъ духа и силы, и почти
безследно исчезаютъ въ воздухѣ.

Послѣ этого (намъ могутъ сдѣлать возраженіе) придется
подчинить законамъ ораторства и включить въ число орато-
ровъ и первыхъ провозвѣстниковъ Евангелія, которые со-
вершенно незнакомы были съ правилами ораторского искус-
ства и были, но выраженію апостола Павла, *невѣжды словомъ* (2 Кор. XI, 6). Какъ ни страннымъ можетъ показаться наше утвержденіе, но мы не стѣсняемся признать
это положеніе и не можемъ не видѣть проявленія оратор-
ства,—и истиннаго ораторства,—въ рѣчахъ первыхъ провоз-
вѣстниковъ Евангелія и даже самого небеснаго Учителя,—
Господа Іисуса Христа. Правда, они не изучали и не знали
законовъ искусственнаго краснорѣчія и не пользовались тѣми
средствами или пособіями науки, какими снабжаетъ школа

людей, готовящихся къ служению общественного слова. Но для того, чтобы быть ораторомъ, не требуется непременно школьное изученіе искусства краснорѣчія. Часто природа или естественный талантъ замѣняетъ то, что приобрѣгается годами долгаго изученія. А здесь, въ дѣлѣ служения первыхъ проповѣдниковъ Евангелия, вспомоществовала имъ сила, высшая школьнай науки и природы, именно Духъ Божій, который, по премудрому усмотрѣнію Промышленія, обильно изливался на нихъ, при первоначальномъ насажденіи христианства. Руководимые Духомъ Божіимъ, они, боясь, пособія науки и искусства, возвысились до естественнаго краснорѣчія, и благодаря дѣйствію этого Духа, рѣчи ихъ оказывались сильнѣе и убѣдительнѣе, чѣмъ рѣчи ораторовъ по профессії, прошедшихъ николу краснорѣчія. Съ своей стороны, они къ дѣйствію этого Духа, ихъ научавшаго, присоединили внутреннее религиозное одушевленіе, которымъ призывали на себя высшую божественную, имъ вспомоществовавшую, силу, и которое само по себѣ служить залогомъ рѣчи сильной и дѣйственной, когда требуется сообщать слово спасенія. Шоттъ¹⁾ указываетъ образцы истинно ораторскаго слова въ рѣчахъ Господа, а потому и въ писаніяхъ новозавѣтихъ. „Какое живое, наглядное и впечатлительное представление вещей (говорить онъ) мы видимъ въ подобныхъ приграхъ евангельскихъ! Какъ сильно въ рѣчахъ Иисуса Христа и апостоловъ общія идеи представляются въ примѣрахъ! Какимъ отжатнымъ языккомъ Господь Иисусъ Христосъ и апостолы порицали нравственное развращеніе и заблужденія своихъ современниковъ! Какъ убѣдительно и сильно говорили они сердцу, выставляя необходимость покаянія или памѣнія жизни! Какая сердечность и глубина

¹⁾ Theorie der Beredsamkeit mit besonderer Anwendung auf die geistliche Beredsamkeit, in ihrem ganzen Umfange dargestellt. Т. I. См. нашу книгу. „Изъ истории гомилетики Гомилетика въ новое время, послѣ реформации Лютера“, стр 276—277.

религиозного чувства выражается въ молитвахъ Господа Иисуса Христа (напр. въ 14-й главѣ Евангелія отъ Иоанна), и какое нѣжное священное чувство братской любви въ Его послѣднихъ бесѣдахъ съ учениками! Какая простая возвышенность въ первыхъ словахъ Евангелія отъ Иоанна! Какой полетъ фантазіи и чувства, какое впечатлительное изложеніе, отличающееся нѣкоторымъ естественнымъ ритмомъ въ тринадцатой главѣ первого посланія апостола Павла къ Коринѳянамъ: *апѣ языки человѣческими глаголю и ангельскими, любве же не ималъ, быхъ яко мъль звенищи или килвалъ звѧцай... и другихъ подобныхъ отблажъ апостольскихъ посланій.* Изложеніе, какое господствуетъ въ новозавѣтныхъ книгахъ, нужно назвать не иначе, какъ „религиозное краснорѣчіе“. Языки Иисуса Христа и апостоловъ содержать въ себѣ и образецъ и возбужденіе для христіанскихъ проповѣдниковъ всѣхъ временъ говорить наглядно, живо и сильно“.

Блаженный Августинъ, первый гомилетъ, изложившій въ связной полнотѣ правила о проповѣдничествѣ, у священныхъ писателей указываетъ явные стѣды краснорѣчія, и совѣтуетъ проповѣдникамъ въ нихъ учиться не только мудрости, но и краснорѣчію, т. е. не только заимствовать у нихъ содержаніе для проповѣди, но и по возможности подражать имъ въ самомъ способѣ изложенія: „Можетъ быть (говорить онъ) ¹⁾, кто-нибудь спроситъ: богодухновенные писатели священныхъ книгъ мудрыми ли только должны быть названы или вмѣстѣ и краснорѣчивыми?... Тамъ, где сіи писатели поятны для меня,—тамъ для меня ничего не можетъ быть не только мудрѣе ихъ, но и краснорѣчивѣе... Если бы у меня было свободное время, я могъ бы нѣкоторымъ самохваламъ, языку священныхъ писателей, предпочитающимъ свой языкъ—не по истиному величию, а по надутости онаго,—я могъ бы,—

¹⁾ Христіанская наука, кн. IV, главы IX и X.

говорю,—показать все совершенства и красоты витийства, заключающиеся въ священныхъ письменахъ мужей, коихъ Промыслъ избралъ для наученія насть, и для приведенія отъ настоящаго развращеннаго вѣка въ блаженную вѣчность. Впрочемъ, совершенства языка, общія симъ мужамъ съ языческими ораторами и поэтами, самого меня, можно сказать, не слишкомъ удивляютъ. Напротивъ, я тому наиболѣе дивлюсь и изумляюсь, какъ священные писатели, при своемъ особомъ и высшемъ родѣ витийства, такъ искусно умѣли употреблять наше человѣческое краснорѣчие, что оно и находится у нихъ все вполнѣ, и между тѣмъ не выказываетъ явно: ибо имъ не надлежало ни отвергать краснорѣчія человѣческаго, ни тицеславиться имъ; но они отвергали бы, когда бы явно избѣгали его, и, напротивъ, выказывали бы тицеславіе, когда бы въ ихъ твореніяхъ легко было признавать черты витийства человѣческаго. Если людямы, знакомымъ съ наукой, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Писанія представляются явные слѣды краснорѣчія человѣческаго, то въ сихъ мѣстахъ говорится о такихъ предметахъ, что слова, выражаютющія предметы, кажутся не отъ писателя придуманными, а добровольно изъ сущности предметовъ родившимися. Читая ихъ, невольно думаешь, что здѣсь одна простая мудрость исходитъ изъ обители своей, то есть, изъ груди мудреца, а краснорѣчие слѣдуетъ за нею, какъ неотлучная раба, не будучи никаколько звана къней". Приведши далѣе нѣсколько примѣровъ изъ посланій апостола Павла и изъ книги пророка Амоса, и указавши въ нихъ такія красоты, какимъ учитъ риторика, свой риторический разборъ ихъ заключаетъ слѣдующими словами: „Священное Писаніе создано не усилиями человѣческими, по излилось изъ Ума божественнаго,—излилось мудро и краснорѣчиво, такъ что при семъ не мудрость искала краснорѣчія, но краснорѣчию ни на шагъ не отступало отъ мудрості. Если правила ораторскаго искусства, по точному мнѣнію краснорѣчивѣшихъ и остро-

умнѣйшихъ мужей, не иначе могли составиться, какъ чрезъ наблюденія и замѣчанія красотъ, находящихся въ твореніяхъ лучшихъ ораторовъ, и чрезъ приведеніе ихъ въ известную систему или науку, то что мудренаго находить сіи правила и красоты въ писаніяхъ мужей богоудовленныхъ, коихъ послалъ Тотъ, Кто творитъ умы велики? Но сей причина? я смѣю признаваю нашихъ священныхъ писателей и учителей не только мудрыми, но и краснорѣчивыми въ отношеніи къ такому роду выгійства, какой быть совершенно привыченъ имъ¹⁾.

Сужденіе блаж. Августина, основывающееся на историческомъ опыте, указываетъ значение вышняго художественнаго слова въ проповѣднической практикѣ. Священные писатели, когда излагали откровеніе, имъ сообщаемое, или говорили рѣчи къ народу, вовсе не думали о какомъ-либо ораторскомъ достоинствѣ своего изложенія, незнакомые съ риторическими правилами. Между тѣмъ ораторская сила и красота сама собою является въ ихъ писаніяхъ и рѣчахъ, какъ естественный непосредственный отпечатокъ ихъ святаго одушевленія. Не гонялись за красотою рѣчи и не прилагали особыхъ стараний къ тому, чтобы сообщить своимъ бесѣдамъ вышний блескъ, зучнѣе проповѣдники церковные. Но сила ихъ духа и горячность ихъ одушевленія производили то, что изъ ихъ устъ лилось слово живое и впечатлительное, если и не имѣющее искусственныхъ красотъ, то обладающее такими достоинствами изложенія, какимъ могли бы позавидовать лучшіе ораторы. И мы отнюдь не ставимъ проповѣднику въ обязанность заботиться о краснорѣчивомъ изложеніи ученія, имъ возвѣщаемаго народомъ. Но если оно дается ему, то это служить немалымъ возвышенiemъ достоинства его проповѣдническихъ бесѣдъ. Только пусть это будетъ не плодомъ его напряженыхъ усилий, а естествен-

¹⁾ Упр. л. 292, кн. IV, л. XXX.

нымъ выражениемъ силы и благородства души, проникнутой сознаниемъ высоты истины, возвещаемой проповѣдникомъ. Пусть красноручие стѣдуется за мыслию проповѣдника, по слову блаж. Августина¹⁾, „какъ неотлучная раба, не будучи никаколько звана къ ней“.

Намъ могутъ сказать, что мы, изображая идеалъ проповѣдника, который можетъ показаться очень высокимъ, осуществление которого для многихъ недостижимо, чрезъ то самое затрудняемъ исполненіе долга служенія церковнаго слова. Запросъ на религиозное ученіе въ христіацкомъ обществѣ, слишкомъ великъ; духовно-нравственныя вѣжды общества, которому человѣкъ, поставленный на служеніе церкви, долженъ нести то слово навиданія, то слово ободренія и исправленія, то слово утѣшениія, то слово обличенія и наказанія, очень назойливо заявляютъ себя прѣть взоромъ человѣка, сочувствующаго своимъ близкимъ, и ему, по долгу своего званія или по побужденію ревности по славѣ Божіей и любви къ братіи, настонть учить благовременно и безвременію и быть готовымъ на всякий часъ предложить, потребное слово нуждающимся въ немъ. А мыслъ о томъ, что оғь проповѣдника, для достойнаго веденія его дѣла, требуется святое одушевленіе, не будетъ ли стѣсненіемъ для выполненія долга, возлагаемаго на учителей церковныхъ? Можеть казаться при этомъ, что не всякій и не во всякое время способенъ явиться съ достойнымъ словомъ навиданія. Кто къ симъ доволенъ (могутъ сказать намъ)? Для этого нужны избранныя лица, и для нихъ особая благопріятныя времена духовнаго возбужденія.

Но въ силу нашихъ требованій, вызываемыхъ существомъ дѣла, мы отнюдь не думаемъ заграждать входъ на церковную каѳедру людямъ, призываляемъ къ тому своимъ.

¹⁾ Христ. наука, чи IV, гл. X.

положеніемъ въ церкви. Пусть каждый исполняетъ свое дѣло, къ которому приставленъ, по мѣрѣ силъ своихъ, вспомоществуемый испрашиваемою благодатію Божіею. И если у призванаго къ служенію церковнаго слова живо представлѣніе о томъ, каковъ онъ долженъ быть въ своемъ служеніи, это послужить не къ умаленію его ревности, а къ возбужденію его духа, сопровождающемся болѣе плодотворною работою, и къ возвышенню его учительской дѣятельности. И отъ чего, если не прямо требовать, то не желать, чтобы служеніе церковнаго слова или благовѣстіе Христово совершаemo было съ возможною силою и совершенствомъ, чисто и свято? Проповѣдническое служеніе въ церкви Христовой такъ высоко, что зря приступать къ нему и вести его кое-какъ—это было бы недостойно этого высокаго служенія, если не прямо грѣшино. Дѣло Божіе нельзя совершать съ небреженіемъ. И истины, возвѣщать которыхъ долженъ проповѣдникъ,—о Богѣ и нашемъ спасеніи—такъ безконечно велики и возвышенны, что въ устахъ его они должны найти достойное для себя выраженіе. Ихъ сила и возвышенность, ясно сознаваемая, не можетъ не производить глубокаго дѣйствія на душу человѣка, призываemаго къ передачѣ ихъ, и не вызывать въ немъ благоговѣйного одушевленія. Если человѣкъ видѣ и ходилъ говорить о нихъ,—это знакъ, что онъ не проникнуть ими, не сознаетъ живо и не чувствуетъ ихъ величія, и едва ли кто такого провозвѣстника высокихъ истинъ сочтетъ достойнымъ совершителемъ святаго дѣла. Такой глашатай во все нежелателенъ на церковной каѳедрѣ.

Намъ замѣчали, что устрашаетъ многихъ требование религіознаго возбужденія или одушевленія, которое мы предъявляемъ къ проповѣдникамъ слова Божія. Но намъ кажется, это одушевленіе само собою должно возникать въ душѣ того, кто носить въ сердцѣ живую вѣру и благоговѣеть предъ святынею Евангелія, и кому близко и дорого спасеніе своихъ братій, особенно когда его долгъ или собственное чувство

призываютъ возвѣщать слово спасенія людямъ, уклоняющимся отъ прямаго пути своего на путь погибельный. А человѣка, не носящаго въ душе своей живой вѣры, и равнодушнаго къ гибели или спасенію своихъ братій, отъ котораго нельзѧ ожидать одушевленнаго слова, кто пожелаетъ видѣть на церковной каѳедрѣ провозвѣстникомъ евангельскаго слова о спасенії? Когда же есть одушевленіе у человѣка, когда душа его наполнена спасительною истиной Христовою, когда онъ пламенѣетъ ревностію о спасеніи своихъ ближнихъ, тогда не трудно для него служеніе церковнаго слова: тогда нѣзъ сего усть живою струею текутъ глаголы живота вѣчнаго, и во всякое время онъ готовъ предложить богатое и потребное назиданіе людямъ, его окружающимъ, ввѣряемымъ, его поученію и руководству.

B. Пѣвницкій.